

Тишина праздника Праздника фонарей продолжалась вплоть до пятнадцатого дня первого лунного месяца, пока привычное спокойствие вновь не сменилось оживлением.

В тот вечер Сюй Шуфэнь сварила сладкие рисовые клецки с начинкой из черного кунжута, и Шэнь Чунь съел четыре штуки. Снаружи со всех сторон гремели фейерверки, и Шэнь Чунь, с надеждой заглядывая в глаза, спросил:

— Бабушка, можно мне выйти посмотреть?

Сюй Шуфэнь разрешила и велела Му Дуну взять его с собой.

На деревенской тропинке никого не было — этот отрезок пути целиком принадлежал их двум домам, и лишь пройдя вперед еще немного, можно было встретить редких прохожих. Выведя Шэнь Чуня за дверь, Му Дун всю дорогу молчал.

Шэнь Чунь впервые вышел за пределы этого двора. Небо было затянуто серой дымкой, луна светила ярко и кругло, но вдоль дороги не горело ни единого фонаря. На тропе еще лежал нарастающий снег, отражая в лунном свете осколки холодного блеска.

Дорога была немного скользкой, а Му Дун шагал так быстро, что Шэнь Чуню приходилось почти бежать следом, чтобы не отстать.

Он не привык много ходить пешком и, сам того не заметив, на что-то наступил — возможно, на камень, засыпанный под снегом, — и рухнул прямо в сугроб. Вмиг все закружилось перед глазами. Шэнь Чунь от неожиданности растерялся: хотя падение вышло не слишком болезненным, он сидел в сугробе и совершенно не понимал, что делать дальше.

Му Дун остановился в нескольких шагах впереди, даже не думая протягивать ему руку.

Его голос донесся словно издали, и из-за надетой шапки Шэнь Чунь расслышал его не до конца. Му Дун спросил:

— Ты опять собрался плакать?

Не уловив в его тоне скрытой насмешки, Шэнь Чунь просто покачал головой, сидя на месте.

Немного переведя дух и поняв, что Му Дун не собирается ему помогать, он был вынужден с трудом опереться руками о землю и подняться на ноги. Опустив голову, он отряхнул снег с одежды, в пару шагов догнал Му Дуна и произнес:

— Пойдем, братец.

Какое-то время в раннем детстве он вообще не мог ходить и падал постоянно, так что подобные мелочи для него ничего не значили.

Му Дун удивленно покосился на Шэнь Чуня и заметил, что сзади на одежде мальчика остался нестряхнутый снег, сам же тот, вид у которого был такой, будто ничего особенного не произошло, покачиваясь, продолжил путь вперед. Такого исхода Му Дун никак не ожидал: он-то думал, что Шэнь Чунь горько расплачется, а потом вернется домой и поднимет шум или пожалуется взрослым.

Слова Сюй Юнь, сказанные в канун Нового года, до сих пор звучали у него в ушах. На самом деле Сюй Юнь не говорила ничего сурового — она просто спросила: «Ты случайно не довел Шэнь Чуня до слез?»

Му Дун думал, что его поступок в тот день сошел ему с рук и остался незамеченным, раз сам Шэнь Чунь молчал. Он никак не ожидал, что Сюй Юнь все же узнает. И все его апельсиновые леденцы вместе с попытками угодить превратились в глупую шутку.

Его щеки пылали от жгучего стыда разоблачения, но сработал рефлекс, и он первым делом отнекался:

— Нет.

Сюй Юнь ничего не ответила, лишь окинула его таким испытующим взглядом, будто в его тело вонзались острые иглы. В тот миг Му Дуну стало по-настоящему страшно. Он боялся, что узнает Сюй Шуфэнь, боялся, что его больше не примут в том единственном месте, где он мог ощутить хоть какое-то тепло, и потому солгал.

Спустя мгновение Сюй Юнь произнесла:

— Ну и хорошо, если нет. Твоя тетушка вовсе не собиралась тебя отчитывать. Просто у Нуну слабое здоровье, а ты намного старше него — уступай ему во всем, ладно?

Му Дун забыл, что именно ответил тогда, нашел какую-то нелепую отговорку и ушел.

Эмоции не находили выхода, и недавний пристальный взгляд превратился в глухую обиду. Ведь это было дело между ним и Шэнь Чунем — раз уж Шэнь Чунь собрался жаловаться, зачем он тогда вообще взял его апельсиновые леденцы?

Му Дун ненавидел ложь.

Пройдя еще немного вперед, Шэнь Чунь остановился и оглянулся, подождав Му Дуна.

Он не смел подгонять старшего — то, что Му Дун вообще согласился взять его с собой погулять, далось с большим трудом.

Му Дун невольно подошел ближе и отряхнул снег, налипший на штаны Шэнь Чуня, бросив:

— Идем.

Шэнь Чунь украдкой улыбнулся, сощулив глаза: ему показалось, что Му Дун вовсе не такой холодный, как он воображал.

Миновав три поворота, они неожиданно вышли на залитое ярким светом место.

Повсюду взрывались разноцветные фейерверки, вдоль дороги толпилось множество людей, стояло такое оживление. Шэнь Чунь заворуженно уставился на расцветающее в небе салютное марево, словно зачарованный, и совершенно упустил из виду, в какой момент Му Дун отделился от него и ушел.

Когда фейерверки закончились и толпа рассеялась, Шэнь Чунь обернулся — и обнаружил, что кругом ни души.

Охваченный паникой, он несколько раз позвал: «Братец!» — а затем громко выкрикнул имя Му Дуна, но в ответ никто не откликнулся.

Дорога сюда была слишком темной, и он ее не запомнил. Постояв на месте в надежде, что кто-то вернется, и ощутив, как вечерний мороз опускается ниже двадцати градусов, Шэнь Чунь задрожал от холода и, наугад робко ступив в какую-то сторону, побрел вперед.

Знакомый Му Дуна жил поблизости. Неспешно добравшись до его дома, Му Дун провел там какое-то время. Парня звали Чжан Сяошуай, его семья держала мясную лавку, и в те времена всеобщего дефицита он был откормлен на славу — плечистый и круглый.

Чжан Сяошуай спросил:

— Ты чего это пришел?

Му Дун с раздражением поморщился и ответил:

— Тут один малец увязался посмотреть, каждый год одно и то же, не понимаю, что в этом интересного.

— Что за малец?

Не зная, как объяснить, Му Дун бросил небрежно:

— Родственник.

Чжан Сяошуай кивнул. Утащив из кухни два куска свиной печени и уплетая их за обе щеки так, что все лицо залоснилось от жира, он спросил:

— Дун-цзы, будешь кусок?

С отвращением отступив на два шага назад, Му Дун поморщился:

— Сам ешь.

Его взгляд по-прежнему был устремлен наружу. Шэнь Чунь в одиночестве стоял на прежнем месте — судя по всему, он кого-то искал. Му Дун не хотел выходить наружу, его обида от недавнего «предательства» еще не прошла.

Проследив за его взглядом, Чжан Сяошуай спросил:

— Это тебя, что ли, ищут?

Му Дун кивнул, глухо буркнув «угу», но с места не сдвинулся, продолжая издалека наблюдать за тем, как Шэнь Чунь в панике озирается по сторонам.

Словно что-то вспомнив, Чжан Сяошуай поинтересовался:

— Ты после окончания начальной школы дальше учиться собираешься? Я вот не хочу. Отец говорит, отправит меня в профтехучилище.

Му Дун впервые за долгое время о чем-то задумался, а спустя мгновение произнес:

— Посмотрим.

Отвлечшись на мысли на пару секунд, он снова поднял глаза — и обнаружил, что Шэнь Чунь, только что стоявший на том самом месте, исчез.

Сердце Му Дуна резко ухнуло вниз.

Шэнь Чунь пытался вернуться назад по памяти, отчаянно надеясь отыскать дорогу домой, но чем дальше он шел, тем более глухими становились места, а окружающие огни постепенно угасали.

Он забрел в топольника.

Впрочем, Шэнь Чунь понятия не имел, что это за деревья: на них не было листьев, торчали лишь сухие ветки. Под деревьями лежала безлюдная земля, и в это время года никто в здравом уме не стал бы забредать в такую глушь — никто, кроме заблудившегося ребенка.

Снег почти скрывал его голени. Уходя из дома, Шэнь Чунь от возбуждения оделся наспех, и стоило ему шагнуть в сугроб, как снег забился прямо в щели ботинок, а когда растаял,

превратился в ледяную влагу, сделав холод еще пронзительнее.

Шэнь Чунь больше не мог идти. Он и без того никогда не отличался крепким здоровьем, а пройденный сегодня вслед за Му Дуном путь оказался самым длинным в его недолгой жизни.

Тяжело дыша, он остановился на месте и, подумав секунду, прижался спиной к стволу высокого тополя. Было зябко. Если бы рядом была Сюй Юнь, она бы ни за что не позволила ему так делать, но Сюй Юнь здесь не было. Лекарь предупреждал, что ему нельзя находиться в столь холодных местах, иначе высок риск рецидива, но Сюй Юнь все равно отправила его обратно.

Шэнь Чунь не смел вдаваться в причины этого поступка — он упорно цеплялся за мысль, что мама все еще любит его, просто случайно оставила здесь, точно так же, как Му Дун сегодня вечером.

Вокруг простиралось ослепительно-белое снежное покрывало, из которого кое-где торчали бугорки земли с какими-то красными цветами. Шэнь Чунь не знал, что это такое, и было к лучшему, что не знал. Прижавшись спиной к стволу, его шестилетняя головка в туманном забытии перебирала множество мыслей: он вспомнил, что печенье, которое дала ему Сюй Шуфэнь, испортилось и отдавало кислинкой — не умрет ли он от одного кусочка?

Куда он попадет, если умрет? Сможет ли он выбрать — пойти к отцу или к матери? Он долго мучился этим вопросом, пока не подумал: пожалуй, лучше не отправляться ни к кому из них, без него родителям, кажется, будет только лучше.

Ему становилось все холоднее, сознание затуманивалось, началось легкое переохлаждение.

Снаружи завывал ледяной ветер, над головой сияла огромная круглая луна, и голые тополи безмолвно охраняли его покой.

Шэнь Чунь закрыл глаза.

Му Дун уже обливался холодным потом, бросаясь на поиски обратно по той же дороге. Видимость ночью была скверной, и он боялся даже представить, что случится, если он не найдет Шэнь Чуня: при такой температуре на улице речь шла не просто об обморожении — здесь можно было замерзнуть насмерть.

В голове проносились десятки запасных вариантов: если он так и не отыщет его по дороге, придется возвращаться к Сюй Шуфэнь и поднимать тревогу, а затем обращаться в полицию. Неважно что — все эти детские обиды и странные капризы улетучились, он хотел лишь одного: поскорее найти Шэнь Чуня.

То ли небеса услышали его мольбы, то ли волей случая, но он вышел к той самой роще белых

тополей.

Рощей это назвать было трудно — всего с десятков деревьев, стоявших в каких-то десятке с небольшим метров от большой дороги. Шэнь Чунь не успел уйти далеко.

Проваливаясь в снег то по щиколотку, то по колено, Му Дун бросился вперед, выкрикивая на ходу:

— Шэнь Чунь! Шэнь Чунь!

Мальчик не отзывался.

Сердце Му Дуна рухнуло в пропасть. Подбежав к Шэнь Чуню вплотную, он впопыхах даже не заметил, как у него самого задрожали руки.

Сквозь пелену забытья Шэнь Чунь расслышав чей-то зов, с трудом приоткрыл глаза и, столкнувшись с перепуганным лицом Му Дуна, прошептал:

— Братец... ты пришел.

Му Дун шумно выдохнул, а затем увидел, как из глаз Шэнь Чуня одна за другой катятся крупные слезы.

Ребенок не плакал, когда заблудился; не плакал, когда замерзал; но стоило Му Дуну найти его, как он разрыдался.

В его маленьком мире осталось всего два человека, и он до смерти боялся, что Му Дун тоже бросит его. В тот миг он не думал об опасности или переохлаждении — в его голове билась лишь одна мысль: неужели Му Дун тоже собирается от него избавиться?

Сердце Му Дуна дрогнуло. Вытащив из кармана платок, он стал неумело вытирать слезы мальчику со словами:

— Не плачь.

В его голосе не было привычной жесткости, скорее — мольба. Внутри у него все сжималось от противоречивых чувств: он смутно понимал, что должен извиниться, но слова застревали в горле, никак не желая срываться с языка. Оставалось лишь бережно стирать чужие слезы, утешая все той же единственной, деревянной фразой:

— Хватит плакать, — повторил Му Дун.

Он хмурился, сам того не замечая, отчего его лицо выглядело несколько сурово.

Заметив это выражение лица, Шэнь Чунь решил, что Му Дун снова теряет терпение, судорожно втянул нос, пытаясь сдержать рыдания, но от этого зарыдал еще сильнее и безутешнее.

Сквозь слезы он выдавил:

— Братец... мне так холодно.

И пускай он знал, что Му Дун сердится и немного презирает его, раз уж именно Му Дун отыскал его в этой глуши, Шэнь Чунь помимо воли вновь потянулся к нему всем существом.

Рука Му Дуна, вытиравшая слезы, замерла, а затем он с тяжелым вздохом прижал мальчика к себе.

Тело ребенка все еще хранило слабое тепло, но его крупно билла дрожь, и, оказавшись в объятиях, он тут же уткнулся лицом в плечо старшего.

Подражая Сюй Юнь, Му Дун легко похлопал его по спине и проворчал:

— Только не вздумай сопلي мне на куртку намазать.

<http://bllate.org/book/25628/3057607>